УДК 070.1
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-428-439
EDN KJIWSR

Журнальная публицистика периода перестройки в России как социокультурный феномен

Даренский В.Ю.
Луганский государственный университет имени Владимира Даля
Луганская Народная Республика, 291034, г. Луганск, Молодёжный квартал, д. 20А
darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. В период перестройки жанр публицистики приобрел массовую популярность, что выражалось в миллионных тиражах журналов и массовом обсуждении их публикаций. Этот феномен несет в себе ценный исторический опыт как важнейшее культурное явление. Цель исследования – выявить механизмы воздействия журнальной публицистики периода перестройки в России на массового читателя. Результаты показали, что в перестроечный период толстые журналы выполняли функцию просвещения и стали важным фактором изменения общественного сознания благодаря стратегии непрямых действий. Именно эта роль сделала их уникальным явлением отечественной культуры, и она была утрачена в последующие десятилетия. Выделены три этапа эволюции журналов в рамках указанного периода. На первом этапе журналы оставались в рамках социалистической идеологии, но фактически подрывали её изнутри путем развития альтернативного взгляда на историю и публикации ранее запрещенных произведений. Второй этап (1989–1991 гг.) характеризуется прямым разрушением советской идеологии через публикации текстов антисоветского содержания (как отечественных, так и зарубежных). На третьем этапе (1991–1993 гг.), который еще стимулировала «инерция» перестройки, произошла резкая поляризация общественных сил и различных культурных парадигм, сохраняющаяся до настоящего времени.

Ключевые слова: публицистика, толстый журнал, перестройка, культура, общественное сознание

Для цитирования: Даренский В.Ю. 2026. Журнальная публицистика периода перестройки в России как социокультурный феномен. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 428–439. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-428-439 EDN KJIWSR

Publicism of the Perestroika Period in Russia as a Sociocultural Phenomenon

Vitaliy Yu. Darenskiy
Luhansk State University named after Vladimir Dahl
20A Molodezhny Quarter, Lugansk 291034, Lugansk People's Republic
darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. Relevance of a study into the Perestroika-era publicism is explained by the role of mass media as a factor of change in the public consciousness. During the period under study, literary and social periodicals gained mass popularity, which was expressed in millions of copies of magazines and mass discussion of their publications. This phenomenon carries with it a valuable historical experience relevant to our time. Currently, the phenomenon of journalism of the Perestroika era has not been studied enough. The purpose of the study is to identify the mechanisms of the impact of the Russian Perestroika-era magazines on the mass reader, thereby determining their significance in this period as the most important cultural phenomenon. The problem-thematic analysis of the content of the publications made it possible

© Даренский В.Ю., 2026

to identify the main ideological vectors of influence on the mass reader. During the Perestroika period, thick magazines served as enlightenment and became an important factor in changing public consciousness. It was this role that made them a unique phenomenon of Russian culture, and it was lost in the following decades. The identification of three stages of the evolution of thick magazines during this period made it possible to identify a strategy of indirect actions on mass consciousness. At the first stage, the magazines remained within the framework of the socialist ideology, but actually undermined it from within by developing an alternative view of history and publishing previously banned works. The second stage (1989–1991) is characterized by the direct destruction of Soviet ideology through the publication of texts with anti-Soviet content (both domestic and foreign). At the third stage (1991–1993), which was still stimulated by the "inertia" of perestroika, there was a sharp polarization of social forces and various cultural paradigms, which persists to the present day. Magazines played the most active role in this process, both expressing and creating this polarization, as they to be perceived "by inertia" as the "mouthpiece" of social ideas.

Keywords: journalism, thick magazines, perestroika, culture, public consciousness

For citation: Darenskiy V.Yu. 2026. Publicism of the Perestroika Period in Russia as a Sociocultural Phenomenon. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 428–439 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-428-439 EDN KJIWSR

Введение

Литературно-художественные журналы эпохи перестройки и первых постперестроечных лет представляют собой уникальный культурно-исторический феномен, ставший одним из важнейших факторов трансформации общественного сознания, которая происходила на фоне эпохальных исторических перемен. В качестве культурного явления журналы этой эпохи представляют собой определенную концентрацию исторической памяти и отражают изменения системы ценностей. С этой точки зрения они являются своего рода «историческим экспериментом», который продемонстрировал действенность журнального слова. Современные российские СМИ по сравнению с указанным периодом фактически перестали быть активным «инструментом» просвещения, хотя эта функция остается одной из основных. Тем самым журнальные СМИ эпохи перестройки, и особенно жанр публицистики, посвященной общественным проблемам, в настоящее время становятся историческим образцом.

Общие характеристики и закономерности эволюции журналов эпохи перестройки уже рассматривались рядом авторов, но в достаточно общей форме, не затрагивая их специфику как социокультурного явления. В частности, есть работы, анализирующие изменение риторики и стиля в журналах эпохи перестройки [Симон, 2007]; эволюцию толстого литературно-художественного журнала как социокультурного феномена [Головин, 2010]; специфику и разновидности публицистики журналов эпохи перестройки [Чечель, 2013].

Есть ряд исследований «знакового» журнала эпохи перестройки – «Огонька» [Есикова, 2011а, 2011б]. Например, статья Лю Яня «Рупор государства или четвертая власть: журналистские особенности журнала "Огонек" в Перестройке (1985–1991)» [Лю, 2022], в которой автор отмечает: «…журнал "Огонек" не только как рупор государства выражал политическое изменение, но и сам делал трансформацию в ходе перестройки с целью стимуляции радикальных изменений в социуме… демократизация и гласность способствовали появлению новых тем на страницах. Это отражает тенденцию, что журналистика перестала быть идеологической государственной машиной и постепенно превратилась в четвертую власть в ходе перестройки» [Лю, 2022, с. 98]. Соответственно, весьма быстро произошло изменение программного дискурса: «…журнал "Огонек" 1987 г. уже ознакомил читателей с положительными новостями в США, Лондоне, Западной Германии и Италии, опубликовав обложки западных журналов» [Лю, 2022, с. 98]. Однако автор не рассматривает вопрос о том, почему стал возможен такой поворот в программном дискурсе.

Журналы эпохи перестройки эволюционировали по своим собственным «законам», которые определялись не столько политикой, сколько процессами восстановления культурной традиции. Таким образом, в настоящее время роль литературно-художественных журналов рассматриваемого периода как значимых акторов перестройки массового сознания представлена в отдельных проблемных ракурсах, но работы, рассматривающие этот феномен как целостное культурно-историческое явление, практически отсутствуют.

Целью исследования является выявление механизмов воздействия журнальной публицистики периода перестройки в России на массового читателя и определение их значимости в данный период как важнейшего культурного явления.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили имевшие наибольший общественный резонанс публикации в отечественных журналах за 1986–1991 годы таких авторов, как В. Астафьев, Ю. Буртин, С. Залыгин, И. Клямкин, Д.С. Лихачев, А. Мень, А. Мигранян, А. Нуйкин, В. Селюнин, А. Солженицын, И. Шафаревич, Н. Шмелев, А. Ципко и др.

Основным методом исследования в статье является проблемно-тематический анализ содержания массива журнальной публицистики в период перестройки. Также использован метод компаративного анализа программных дискурсов журнальных изданий.

Результаты и их обсуждение

Журнальная публицистика периода перестройки в России по своему масштабу является уникальным явлением в отечественной и мировой истории СМИ. В частности, за 1985–1989 гг. тираж газеты «Аргументы и факты» вырос на 136 % и достиг 33 млн., и она попала в Книгу рекордов Гиннесса[1]. Еще более впечатляющим в этот период был рост числа читателей журналов: «Новый мир» увеличил число подписчиков на 311 %, «Огонек» – на 417 %, «Знамя» – на 532 %, «Дружба народов» – на 820 % [2]. В 1990 году тиражи наиболее популярных журналов были такими: «Работница» – 24,106 млн, «Крестьянка» – 22,18 млн, «Огонек» – 4,6 млн, «Роман-газета» – 3,36 млн, «Смена» – 3,318 млн, «Юность» – 3,1 млн, «Ровесник» – 3 млн, «Новый мир» – 2,71 млн, «Наука и жизнь» – 2,7 млн, «Студенческий меридиан» – 1,125 млн, «Аврора» – 1,09 млн, «Знамя» – 1 млн[3]. Как видим, толстые литературно-художественные журналы резко выросли в тиражах одновременно с журналами специализированными и общественно-публицистическими: это свидетельствует о феномене «культурного взрыва» в эпоху перестройки. Также появилось много новых периодических изданий: около 250 наименований в 1988 году, более 900 – в 1989 году, более 1600 – в 1990 году [4]. Они стали преемниками «самиздата», но теперь их издатели могли не опасаться преследований.

С теоретической точки зрения толстый журнал как особая форма печатного издания представляет собой структурированное единство с особой поэтикой целостности, поскольку, как отмечал В.Б. Смирнов, он «обладает многоуровневой текстовой структурой, полидискурсивностью... многообразием функциональных стилей» [Смирнов 2007, с. 385]. В толстых журналах реализуется поэтика «программного дискурса», то есть определенная идейная программа и, соответственно, редакционная политика издания, предполагающая воздействие на сознание аудитории. Поэтому историк «исследует произведение в

[1] «Аргументы и факты» – история бренда // https://www.brandpedia.ru/brand-225.html

[2] От цензуры и самиздата к свободе печати. 2016. Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», 28 января 2016–28 марта 2016. URL: https://nkvd.tomsk.ru/exhibs/single_item_exhibition/kopilka/samizdat_exhib/?ysclid=mt8wecbxut307610021 (дата обращения: 01.08.2026).

[3] Печать СССР в 1990 году : стат. сборник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 117–118.

[4] От цензуры и самиздата к свободе печати.

журнальном контексте… оживляя все идейное богатство и многообразие связей с общественно-литературной борьбой, поскольку и автор ориентируется, и произведение сориентировано на тот семиотический код, который в органе с последовательным направлением складывается в процессе его существования» [Смирнов 1996, с. 10]. Таким образом, исследование таких журналов должно опираться на реконструкцию «программного дискурса» журнальной публицистики периода перестройки в России.

А. Гузева так обобщает исторический опыт бытования толстых журналов в СССР: «Литературно-художественные журналы были совершенно уникальным культурным феноменом, имевшим огромную значимость в советской России. Их читала буквально вся страна, а публикация в них сулила автору славу… Они распространялись по подписке, на которую могла быть и очередь из-за ограниченности тиража и высокого спроса. Поэтому журналы часто передавали из рук в руки… Их чтили за фундаментальность и интеллектуальный вес: там публиковали художественные произведения… критику и публицистику талантливых авторов» [1]. Толстые журналы в течение всего советского периода были весьма мощным культурным феноменом, воздействовавшим на массовое сознание, но в период перестройки произошел настоящий взрыв их популярности. Чем это было обусловлено?

Как отмечают историки – исследователи перестройки, в ее основе лежали массовые настроения населения СССР: «недовольство своим уровнем жизни превращалось в недовольство общественной системой» [Полынов, 2010, с. 507]. Руководство страны искало выход из этой ситуации. Кроме того, СССР к 1980-м годам уже технологически и экономически заметно отставал от Запада, и это было даже еще большим стимулом для начала перестройки, чем массовые настроения недовольства. Однако «перестройка, начавшаяся ради... придания социализму нового дыхания, превращения нашей страны в современную технологическую державу, закончилась прямо противоположным результатом: разрушением общественно-политического строя и СССР как государства» [Полынов, 2010, с. 508]. Но это было закономерно, поскольку советский социально-экономический и политический строй был основан на совсем иных принципах, чем западный, – и поэтому попытка соединения этих взаимоисключающих принципов (а в этом и состояла идея «перестройки») неизбежно приводила к разрушению всей общественной системы. В результате «в короткие сроки общественное мнение вышло за рамки официальной идеологии, в связи с чем партийно-государственное руководство оказалось не в состоянии контролировать массовые и спонтанные процессы социального протеста» [Мусатов, 2007, с. 6]. Последнее обстоятельство было связано также и с ролью толстых журналов, которые стали активно влиять на общественное мнение и сами стали его активными выразителями.

Предметно-содержательный анализ толстых журналов основывается на внутренней периодизации их эволюции в эпоху перестройки и начала постсоветского периода, который стал её органическим продолжением. На первом этапе, охватывающем 1986–1988 годы, программный дискурс таких журналов задавался принципом «очистки» социализма от наследия «сталинизма», что выражалось в активно транслировавшейся идеологеме «социализм с человеческим лицом». Публицисты на этом этапе рассматривали проблемы советского общества в целом, но характерно, что в первую очередь внимание авторов было направлено на проблемы советской экономики.

Так, большой резонанс имела статья В. Селюнина «Истоки» [2], которая была переведена на иностранные языки и широко цитировалась как экономистами, так и политиками; согласно некоторым подсчетам, всего по территории СССР разошлось

[1] Гузева А. 2026. Почему в СССР так любили «толстые» журналы? Окно в Россию, 12 мая 2026 г. URL: https://ru.gw2ru.com/read/249512-pochemu-sssr-lyubili-tolstye-zhurnaly?ysclid=mt8wnxzz2641468104 (дата обращения: 06.07.2026).

[2] Селюнин В. 1988. Истоки. Новый мир, 5: 162–189.

порядка пятнадцати-семнадцати миллионов ее копий [1]. О порочности советской экономической системы писал на страницах «Нового мира» И. Клямкин [2], хотя его отношение к марксизму было более позитивным, чем у В. Селюнина. Также знаковой публикацией была статья экономиста Н. Шмелева «Авансы и долги»[3]. Тексты этих двух авторов были изданы в 1990 году одной книгой, тираж которой разошелся в самые короткие сроки. Эти статьи удовлетворяли запрос аудитории на новое, недогматическое освещение проблем советской экономики; они отличалась от других публикаций на ту же тему не только обилием ранее незвестных фактов и смелостью выводов, но также живым, недогматическим стилем изложения.

За рамками специальных экономических тем в более широком историософском контексте работал известный публицист Ю.Г. Буртин (1932–2000), который в 1970 году, после отставки А. Твардовского, покинул «Новый мир». В статье-манифесте «Изжить Сталина!» он писал: «Это был подлинный гений зла. Он обладал государственным умом и железной волей, он умел добиваться поставленных целей? Тем хуже, ибо реальной целью его было государство-тюрьма»[4]. Согласно данным социологических опросов, в 1988 году Ю. Буртин входил в двадцатку лидеров общественного мнения страны [Чечель, 2013].

Одним из знаковых» и часто цитируемых публицистов того времени был А.А. Нуйкин, в частности, благодаря его опубликованному в «Огоньке» в 1990 г. «Открытом письме ко всем бюрократам, коррупционерам, взяточникам, воротилам военно-промышленного комплекса, дельцам теневой экономики, мафиози и прочим захребетникам Советского Союза», в котором он обращался к советской номенклатуре так: «Вы готовы жить плохо, лишь бы другим было еще хуже!.. в категорию «малообеспеченных» (по их понятиям) в США попадает всего 20 %, а у нас в категорию «бедных» – 86,5 %!» [5]. Большой резонанс, выразившийся в последующей журнальной полемике, имели его статьи «Идеалы или интересы?: По страницам газет и журналов» [6], а также «Новое богоискательство и старые догмы» об официальном советском атеизме как разрушительной идеологии [7].

По свидетельству многих современников, среди публикаций ранее запрещенных художественных произведений особенно сильное воздействие на общественное сознание имели две повести М. Булгакова – «Роковые яйца» и «Собачье сердце», опубликованные в 1987 г. в журнале «Знамя» (и уже в 1988 г. «Собачье сердце» было блестяще экранизировано В. Бортко). Повесть «Роковые яйца» также была притчей о современности: по её сюжету, в результате путаницы яйца крокодилов, анаконд и страусов вместо куриных подвергаются воздействию «лучей жизни», активизирующих рост. Получившиеся в результате огромные твари в поисках пропитания двигаются на Москву. Однако столицу спасло аномальное похолодание: теплолюбивые монстры, которых не могла остановить Красная армия, гибнут сами. Булгаков в дневнике оставил запись: «В повести испорчен конец, потому что я писал ее наспех»[8]. Но берлинская газета «Дни» в 1925 году в одном из январских номеров опубликовала альтернативное окончание повести: «В ней необозримые полчища гадов двинулись на Москву, осадили ее и сожрали. Заключительная картина – мертвая Москва и

[1] Памяти В.И. Селюнина. 1994. Новый мир, 12: 247 с.

[2] Клямкин И. 1987. Какая улица ведет к храму? Новый мир, 11: 150–188; Клямкин И. 1989. Почему трудно говорить правду. Новый мир, 2: 204–238.

[3] Шмелев Н. 1987. Авансы и долги. Новый мир, 6: 142–158.

[4] Буртин Ю. 1988. Изжить Сталина! Огонек, 12. С. 18.

[5] Нуйкин А.А. 1990. Открытое письмо ко всем бюрократам, коррупционерам, взяточникам, воротилам военно-промышленного комплекса, дельцам теневой экономики, мафиози и прочим захребетникам Советского Союза. В кн.: Ох, социализм, социализм!... Москва, Правда. С. 16.

[6] Нуйкин А. 1988. Идеалы или интересы? (По страницам газет и журналов.) Новый мир, 1: 190–211; Нуйкин А. 1988. Идеалы или интересы? (По страницам газет и журналов.) Новый мир, 2.

[7] Нуйкин А. 1987. Новое богоискательство и старые догмы. Новый мир, 4.

[8] Юрков А. 2026. Если бы не тиф, не было бы «Мастера и Маргариты». Независимая газета, 13.05.2026 URL: https://www.ng.ru/subject/2026-05-13/7_9494_bulgakov.html?ysclid=mt8yk8o7d8789050004 (дата обращения: 06.07.2026).

огромный змей, обвившийся вокруг колокольни Ивана Великого»[1]. Как видим, символика повестей очень прозрачна – происходящее в обществе после 1917 года в них аллегорически изображается как вторжение варваров и монстров, от которого может спасти либо их истребление, либо чудо.

Каким образом эти новые идейные и художественные явления воздействовали на массовое сознание? Подобные феномены уже исследованы в литературе по данной проблематике. В частности, в книге У. Липпмана «Общественное мнение» констатируется: «Самые тонкие и самые распространенные механизмы воздействия – это те, что создают и поддерживают репертуар стереотипов» [Липпман 2023, с. 126], и далее, в главе «Стереотипы как защита» уточняется: «Системы стереотипов могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе... любое изменение стереотипов воспринимается как атака на основы мирозданья. Это атака на основания *нашего* мира» [Липпман 2023, с. 131]. Таким образом, основой трансформации общественного сознания должна быть не прямая атака на стереотипы, которая вызовет их усиленную защиту, а разрушение их смысловых оснований в виде изменения ключевых символов, а также внешне «позитивной» критики. Это приводит к разрушению привычной картины мира и дезориентации людей. В более общем плане такая стратегия является частным случаем известной стратегии «непрямых действий». Но в данном случае она применяется не в боевых действиях, а в идеологической борьбе и воздействии на массовое сознание.

Защита стереотипов массового советского сознания не заставила себя долго ждать. Знаковым стало письмо преподавателя химии Ленинградского технологического института Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованное 13 марта 1988 года в газете «Советская Россия». В ответ 5 апреля 1988 года орган ЦК КПСС газета «Правда» опубликовала статью «главного идеолога перестройки» А.Н. Яковлева, который назвал статью Н. Андреевой «манифестом антиперестроечных сил», а письмо Н. Андреевой в конечном счете стало аргументом, убеждающим в необходимости перестройки, поскольку трактовалось как опасное сопротивление обновлению общества. Однако стоит отметить, что в этот период фактически существовала цензура, почти не допускавшая публикацию «антиперестроечных» текстов. Публикация Н. Андреевой, судя по столь быстрому ответу на неё, исходящему с самой «вершины» власти, была допущена сознательно как повод для официального ответа на неё.

Стоит отметить, что иногда в публикации важных произведений толстые журналы отставали от газет. Например, знаменитое воззвание А. Солженицына «Жить не по лжи!» было впервые (неофициально, без ведома автора) опубликовано в СССР 18 октября 1988 г. в киевской газете «Рабочее слово». «Самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрыла, всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!»[2]. Такая стратегия мирной борьбы с тоталитарным строем соотносится со стратегией *сатьяграхи* (буквально «упорство в следовании истине») М. Ганди, которая представляет собой особую форму ненасильственного сопротивления как средства национальной обороны путем «неучастия» в официальной лжи.

Однако публицистика в толстых журналах, декларировавшая очищение социализма от ошибок прошлого, на этом этапе еще не была направлена на разрушение советского мировоззрения. Но принципиальный поворот вскоре произошел. Знаковой в этом отношении стала статья философа и политолога А. Ципко «Истоки сталинизма»[3],

[1] Юрков А. 2026. Если бы не тиф, не было бы «Мастера и Маргариты». Независимая газета, 13.05.2026 г. URL: https://www.ng.ru/subject/2026-05-13/7_9494_bulgakov.html?ysclid=mt8yk8o7d8789050004 (дата обращения: 06.07.2026)

[2] Солженицын А.И. 1995. Жить не по лжи! В кн.: Публицистика: В 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство. С. 188.

[3] Ципко А. 1988. Истоки сталинизма. Наука и жизнь, 11: 45–55; Ципко А. 1988. Истоки сталинизма.

рассматривавшего сталинизм не как «отклонение» и ряд отдельных ошибок, а как неизбежное следствие марксистской идеологии. В это же время была опубликована статья Ю. Буртина «Ахиллесова пята исторической теории Маркса»[1], в которой доказывалось, что марксизм не учитывает фактор человеческой свободы и индивидуальности и поэтому опровергнут самой историей.

Начало второго этапа относится к 1989 году, когда в толстых журналах стали появляться публикации антисоветского характера. Переломным моментом стал Первый съезд народных депутатов в июне 1989 года, на котором фактически произошел прорыв в публичное пространство антисоветского дискурса (особенно ярко это проявилось в выступлениях депутатов из Прибалтики, которые прямо заявили о «советской оккупации» их республик). И уже в июле в № 7 журнала «Новый мир» вышла подборка материалов, которая разбивала советскую идеологию: здесь были опубликованы Нобелевская лекция А. Солженицына, статьи А. Мигранян «Долгий путь к европейскому дому» и И. Шафаревича «Две дороги к одному обрыву». Последняя репрезентировала ортодоксально-христианский взгляд на современную цивилизацию, негативно оценивая оба её варианта – и советский, и западный. Статья известного математика и философа В.Н. Тростникова (1928–2017) «Научна ли «научная картина мира»?»[2] репрезентировала ортодоксально-христианский взгляд на современную науку и доказывала, что наука не только не противоречит Библии, но прямо приводит к ней. Статья А.С. Ципко «Хороши ли наши принципы?» [3], предваряясь статьей главного редактора С. Залыгина «Наше общество нынче завязло в плюрализме…» [4], представляла собой уже полный разгром марксизма и советской идеологии. Такой же критикой занимались не только гуманитарии, но и ученые из других сфер. Выдающийся хирург академик Н. Амосов, также разработавший свою оригинальную теорию систем, в статье «Возвращение из утопии» [5] показывал неэффективность советского экономического строя и предлагал собственную программу реформ.

Советский взгляд на историю разрушался также публикациями «лагерной» прозы – «Колымских рассказов» В. Шаламова в журнале «Знамя»[6] и знаменитого «Архипелага ГУЛАГа» А. Солженицына в «Новом мире» [7] . Произведения «Красный террор» С. Мельгунова [8] и «Неугасимая лампада» Б. Ширяева [9] – о Соловецком концлагере – публиковались в «Нашем современнике» в 1991 году.

В свою очередь, разрушалась и идеология «социалистического реализма». Среди массы публикаций на эту тему следует выделить яркую и глубокую статью известного исследователя творчества Н.В. Гоголя, литературоведа И. Золотусского «Крушение абстракций». Он писал: «Литература невольно возвращается к старым ценностям и к старой символике, обозначающей эти ценности. Евангельская символика воскресает и в рассказах В. Астафьева, и в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей»[10]. В этой статье была прямо провозглашена необходимость возвращения к христианским основаниям русской литературы.

Наука и жизнь, 12: 40–47; Ципко А. 1989. Истоки сталинизма. Наука и жизнь, 1: 46–57; Ципко А. 1989. Истоки сталинизма. Наука и жизнь, 2: 53–62.

[1] Буртин Ю. 1989. Ахиллесова пята исторической теории Маркса. Октябрь, 11: 3–25; Буртин Ю. 1989. Ахиллесова пята исторической теории Маркса. Октябрь, 12: 3–48.

[2] Тростников В.Н. 1989. Научна ли «научная картина мира»? Новый мир, 12: 257–263.

[3] Ципко А. 1990. Хороши ли наши принципы? Новый мир, 4: 173–204.

[4] Залыгин С. 1990. «Наше общество нынче завязло в плюрализме…» Новый мир, 4: 173.

[5] Амосов Н. 1990. Возвращение утопии. Смена, 12: 53–62.

[6] Шаламов В. 1989. Из «колымских рассказов». Знамя, 6: 6–38.

[7] Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 8: 7–94; Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 9: 68–165; Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 10: 25–149; Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 11: 63–175.

[8] Мельгунов С. 1991. Красный террор. Наш современник, 1–3.

[9] Ширяев Б. 1991. Неугасимая лампада. Наш современник, 4–10.

[10] Золотусский И. 1989. Крушение абстракций. Новый мир, 1. С. 246.

Исследователи отмечают и феномен распространения «профессорской публицистики» в эпоху перестройки [Чечель, 2013], то есть появление большого массива статей в толстых журналах, написанных крупными учеными. Здесь особо следует выделить статьи академика Д.С. Лихачева (1906–1999) и тогда еще будущего академика С.С. Аверинцева (1937–2004). Статья Д.С. Лихачева «Память преодолевает время», которой открывался первый номер нового журнала «Наше наследие», акцентировала необходимость возвращения к глубинной культурной традиции и была не лишена критического пафоса. Автор в ней писал: «…плодилась серость, безликость – в литературе, живописи, архитектуре и т. д. Мне совершенно ясно, например, почему некоторые современные писатели активно выступают против публикаций тех литературных произведений, которые десятилетия не могли найти место в наших изданиях. Да потому, что на этом фоне их собственные произведения будут выглядеть ничтожно» [1]. Новый журнал «Наше наследие», начавший выходить в 1988 году, был самым традиционалистским на тот момент – целиком обращенным к русской культуре до 1917 года, а также к культуре русской эмиграции XX века. Большую известность благодаря публикациям в журналах в то время приобрел Александр Мень (1935–1990). Его биография Иисуса Христа «Сын Человеческий» публиковалась в журнале «Смена» [2]. С начала 1990-х этот журнал стал выходить ежемесячно в «книжном» формате. К концу 1980-х гг. тираж «Смены» достигал 3 млн экземпляров.

Отдельно следует отметить публикации в журнале «Юность» этого периода текстов философов, писателей и поэтов Серебряного века. Новый журнал «Век XX и мир» также публиковал классиков русской мысли, но особенно выделялся острой политической публицистикой. Новый журнал «Диалог» был официальным органом ЦК КПСС, который пытался участвовать в общественных дискуссиях, оставаясь на марксистской платформе.

В периодике 1990–1991 годов публиковались фрагменты из книги историка, социолога и философа М.С. Восленского (1920–1997), в 1975 году эмигрировавшего в Германию, «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», а в 1991 году книга вышла в Москве отдельным изданием. Фактически на тот момент она была главным научным трудом, рассматривавшим СССР с самых критических позиций: советский строй характеризовался как антагонистический – как диктатура замкнутой партийной касты над бесправным народом.

Таким образом, на уровне базовых идеологем переход от первого ко второму этапу эволюции журнальной публицистики в этот исторический период можно в целом обозначить как переход от парадигмы «социализма с человеческим лицом» к парадигме оценки социализма как утопии. Причем утопия здесь понимается весьма широко – не только в политическом и социально-экономическом плане, но и на уровне общего мировоззрения. Утопичными здесь мыслятся и безрелигиозное мировоззрение, и абсолютизация науки.

Распад СССР в конце 1991 г. обозначил третий этап развития толстых журналов, характеризующийся резкой поляризацией мировоззренческих и идеологических установок, обусловленных поиском новой идентичности российского общества. Выделились журналы либерального направления, расценивавшие крах советского строя как возвращение в «цивилизованный мир», и внутренне неоднородная группа «патриотически» направленных журналов. Ряд этих изданий, воспринимавших распад Советского Союза как историческую катастрофу, можно определить как неосоветские, другие же, видевшие в крахе СССР освобождение от тирании и безбожия, – как православно-патриотические.

Вместе с тем, журналы патриотического направления также противостояли «западникам»-либералам, воспринимая их как разрушителей исторической России и виновников катастрофы XX века. Таким образом, в общественном сознании проявилась

[1] Лихачев Д.С. 1988. Память преодолевает время. Наше наследие, 1: 1–4.
[2] Мень А. 1990. Сын Человеческий. Смена, 6-12.

поляризация мировоззрений в виде своеобразного «треугольника»: либералы-«западники» (противостоявшие как несоветским настроениям, так и православному «черносотенству»); советские «неосталинисты» (противостоявшие как «западникам», так и «черносотенцам»); православные монархисты-«черносотенцы» (противостоявшие и тем, и другим). Такие поляризованные мировоззренческие и идеологические установки, сформированные еще в период перестройки, сохраняются в российских журналах и до настоящего времени.

Заметным явлением рассматриваемого периода стала переписка историка Н.Я. Эйдельмана (1930–1989) с новым классиком русской литературы В.П. Астафьевым (1924–2001) в 1986 году. Инициатором её был Н.Я. Эйдельман, однако враждебность позиций корреспондентов обозначилась сразу же: В.П. Астафьев заявил об уничтожении русского народа советским режимом, а его оппонент обвинил писателя в «шовинизме» и «черносотенстве». В.П. Астафьев в итоге написал Н.Я. Эйдельману: «Вам... стоит подумать и над тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юровского [убийцы царской семьи] и иже с ним, маялись по велению Высшего судии, а не по развязности одного Ежова. Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти, и мы все еще народ Большой, и нас все еще мало убить, но надо и повалить» [1].

Стоит выделить из потока публицистики тех лет работу Н.Я. Эйдельмана «"Революция сверху" в России», которая публиковалась в журнале «Наука и жизнь» [2] и отражала общий культурно-идеологический контекст. В ней развивалась концепция, согласно которой перестройка вписывается в закономерности всей истории России, где реформы всегда происходили по инициативе власти, а не народа.

Уже упомянутый академик И.Р. Шафаревич (1923–2017), выдающийся математик с мировым именем, стал в это время идеологом православно-патриотического направления, в первую очередь благодаря публикации своей работы «Русофобия»[3]. В ней на основе анализа значительного количества документальных фактов автор обосновывал положение о том, что важнейшим движущим мотивом революционеров 1917 г. были не теории социального переустройства, а ненависть к православной России, к христианству и русскому народу, чем и был вызван беспрецедентный террор периода Гражданской войны и сталинизма.

События 3–4 октября 1993 года в Москве, известные как расстрел Дома Советов, могут считаться окончанием рассматриваемого периода. Это событие повлекло за собой публикацию 5 октября 1993 г. в газете «Известия» «Письма сорока двух» – публичного обращения группы известных литераторов, содержащее слова поддержки действий президента России Б.Н. Ельцина. Подписанты, среди которых были академик Д.С. Лихачёв, поэт Б. Окуджава, писатели В. Астафьев, Г. Бакланов, В. Быков и Д. Гранин, публицист А. Нуйкин, требовали и далее противостоять неосоветскому реваншизму и «фашизму». Против них выступила группа членов Союза писателей России – сторонников Верховного Совета России: А. Проханов, Ю. Бондарев, В. Белов и др. Проявившаяся в тот период поляризация общественных сил в целом сохраняется до настоящего времени.

Вместе с тем, даже несмотря на самые принципиальные расхождения указанных мировоззренческих позиций, все они действовали уже в рамках постсоветской парадигмы построения новой России, хотя и видели её радикально по-разному. Тем самым, можно сказать, что на смену двум упомянутым идеологемам пришла третья – идеологема «новой России». Но именно в рамках этой идеологемы максимально обострились мировоззренческие и идейные противоречия. Резкое падение интереса к журналам и

[1] Из переписки Н.Я. Эйдельмана с В.П. Астафьевым. 1990. Даугава, 6. С. 65.

[2] Эйдельман Н.Я. 1988. «Революция сверху» в России. Наука и жизнь, 10: 97–105; Эйдельман Н.Я. 1988. «Революция сверху» в России. Наука и жизнь, 11: 109–120; Эйдельман Н.Я. 1988. «Революция сверху» в России. Наука и жизнь, 12: 102–112.

[3] Шафаревич И. Русофобия.1989. Наш современник, 6: 167; Шафаревич И. 1989. Русофобия. Наш современник, 11: 162–172.

журнальной публицистике со второй половины 1990-х годов и до настоящего времени объясняется многими факторами, в том числе сменой ценностных парадигм и утратой обществом в целом интереса к идейным поискам в новых социально-исторических условиях.

Заключение

Функция толстых журналов как органов просвещения активно проявилась в период перестройки, когда именно этот тип издания стал одним из важных факторов перемен в общественном сознании. Этим в целом определялась их роль как феномена отечественной культуры данного периода. В настоящее время такую роль они уже не выполняют.

Выделение трех этапов эволюции журналов в рассматриваемый период позволило показать общую логику их воздействия на массовое сознание как стратегию «непрямых действий». На первом этапе журналы оставались в рамках социалистической идеологии, но фактически подрывали её изнутри путем развития альтернативного взгляда на историю и публикации ранее запрещенных произведений. На втором этапе (1989–1991) происходило уже прямое разрушение советской идеологии путем публикации текстов антисоветского содержания – как отечественных, так и зарубежных. На третьем этапе (1991–1993), обусловленном своего рода «инерцией» периода перестройки, произошла резкая поляризация общественных сил и различных социокультурных парадигм, которая сохраняется до настоящего времени.

Общая стратегия трансформации массового сознания, которая проявилась в изменении содержания толстых журналов в этот период, может быть определена через известную концепцию «непрямых действий», суть которой состоит в том, что действие осуществляется не напрямую, что может вызвать организованное сопротивление, а косвенно – путем подрыва позиций и истощения ресурсов противника. В данном случае это осуществлялось на первом этапе путем критического пересмотра существовавших стереотипов и расширения свободы мышления за счет больших потоков новой информации; на втором этапе – путем ознакомления с альтернативным мировоззрением (но без прямого его навязывания); на третьем – путем призыва к построению новой России. Таким образом, в течение всех трех этапов своей эволюции в рассматриваемый период толстые журналы работали в рамках данной стратегии, хотя осуществляли её по-разному.

Однако роль журналов, естественно, не сводилась только к этим процессам работы с массовым сознанием. В первую очередь они выступали в качестве особого очень активного и значимого фактора культурной жизни. Благодаря журналам этого периода в массовое сознание вошло множество новых культурных смыслов и явлений – новые идеи, неизвестные ранее произведения, и в конечном итоге – новые типы мировоззрения, которые открывали свободу мысли и возможность самостоятельного духовного развития.

Список литературы

Головин Ю.А. 2010. Российский толстый литературно-художественный журнал как социокультурный феномен. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 2(34): 47–52.

Есикова Е.М. 2011а. Журнал «Огонек» в контексте переходных эпох (1905–1917 и 1986–1991). Дис. … канд. филол. наук. Москва, 140 с.

Есикова Е.М. 2011б. Стиль публикаций журнала «Огонёк» в эпоху перестройки: между советским и демократическим дискурсами. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика,* 2: 84–89.

Липпман У. 2023. Общественное мнение. Пер. с англ. Е.С. Абаевой. Под ред. Г. Весниной. Москва, АСТ, 448 с.

Лю Я. 2022. Рупор государства или четвертая власть: журналистские особенности журнала «Огонек» в Перестройке (1985–1991). *Теории и проблемы политических исследований,* 11(6А): 92–101. DOI: 10.34670/AR.2023.47.45.021

Маслова К.О. 2020. Журнал «Огонек» периода перестройки: типологические признаки. *Форум молодых ученых*, 1(41): 420–426.

Мусатов И.М. 2007. Советское общество в условиях перестройки в СССР на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 18 с.

Печать СССР в 1990 году: стат. сборник. 1991. М.: Финансы и статистика, 288 с.

Полынов М.Ф. 2010. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. Санкт-Петербург, Алетейя, 512 с.

Симон А.А. 2007. Больше демократии – больше социализма: язык журнальной публицистики периода перестройки. *Политическая лингвистика,* 1(21): 45–48.

Смирнов В.Б. 1996. Ф.М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70–80-х годов. Волгоград, Издательство Волгоградского государственного университета, 126 с.

Смирнов В.Б. 2007. Поэтика русского литературно-художественного журнала как проблема комплексного изучения. В кн.: Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Второй международной научной конференции (Волгоград, 24–26 апреля 2007 г.): в 2 томах. Том 2. Волгоград, Волгоградский государственный университет: 385–389.

Чечель И. 2013. Советское общественное сознание 1985–1991 гг.: попытка историографического подхода. *Гефтер*, 22 мая 2013. URL: https://web.archive.org/web/20181101075129/http://gefter.ru/archive/8736 (дата обращения – 06.07.2026).

References

Golovin Yu.A. 2010. Rossiiskii tolstyi literaturno-khudozhestvennyi zhurnal kak sotsiokul'turnyi fenomen [Russian thick literary and artistic magazine as a sociocultural phenomenon]. *The Bulletin of Moscow state University of culture and arts*, 2(34): 47–52.

Esikova E.M. 2011a. Zhurnal «Ogonek» v kontekste perekhodnykh ehpokh (1905–1917 i 1986–1991) [The magazine "Ogonyok" in the context of transitional eras (1905–1917 and 1986–1991)]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Moscow, 140 p.

Yesikova E.M. 2011b. Style of «Ogonyok» Magazine Articles During the Period of Perestroika: Between the Soviet and Democratic Discourse. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2: 84–89.

Lippman U. 2023. Obshchestvennoe mnenie [Public Opinion]. Transl. from Engl. E.S. Abaeva. Ed. G. Vesnina. Moscow, Publ. AST, 448 p.

Liu Ya. 2022. The State Mouthpiece or the Fourth Estate: Journalistic Features of the “Ogonyok” magazine in Perestroika (1985-1991). *Theories and Problems of Political Studies*, 11(6A): 92–101 (in Russian). DOI: 10.34670/AR.2023.47.45.021

Maslova K.O. 2020. Ogonyok Magazine of the Perestroika Period: Typological Features. *Forum molodykh uchenykh*, 1(41): 420–426.

Musatov I.M. 2007. Sovetskoe obshchestvo v usloviyakh perestroiki v SSSR na rubezhe 1980-kh – 1990-kh gg. [Soviet society in the conditions of perestroika in the USSR at the turn of the 1980s – 1990s.]. Abstract. dis. ... cand. histor. sciences. Moscow, 18 p.

The publications in USSR in 1990: statistics. 1991 [Pechat’ SSSR v 1990 godu : stat. sbornik]. Moscow: Finance and Statistics, 288 p.

Polynov M.F. 2010. Istoricheskie predposylki perestroiki v SSSR. Vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-kh gg. [Historical Preconditions for Perestroika in the USSR. Second Half of the 1940s – First Half of the 1980s.]. St. Petersburg, Publ. Aleteiya, 512 p.

Simon A.A. 2007. «More democracy – more socialism»: the language of perestroika journalism. *Political Linguistics*, 1(21): 45–48 (in Russian).

Smirnov V.B. 1996. F.M. Dostoevskii i russkaya demokraticheskaya zhurnalistika 70–80-kh godov [F.M. Dostoevsky and Russian Democratic Journalism of the 1970s–1980s.]. Volgograd, Publ. Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 126 p.

Smirnov V.B. 2007. Poehtika russkogo literaturno-khudozhestvennogo zhurnala kak problema kompleksnogo izucheniya [Poetics of the Russian literary and artistic journal as a problem of comprehensive study]. In: Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov [Russian literature in the context of modern integration processes]. Proceedings of the Second international scientific conference (Volgograd, April 24–26, 2007): in 2 vol. Vol. 2. Volgograd, Publ. Volgogradskii gosudarstvennyi universitet: 385–389.

Chechel' I. 2013. Sovetskoe obshchestvennoe soznanie 1985–1991 gg.: popytka istoriograficheskogo podkhoda [Soviet Public Consciousness 1985–1991: An Attempt at a Historiographic Approach]. *Gefter*, May 22, 2013. URL: https://web.archive.org/web/20181101075129/http://gefter.ru/archive/8736 (06.07.2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.05.2026
Поступила после рецензирования 12.08.2026
Принята к публикации 26.08.2026

Received May 17, 2026
Revised August 12, 2026
Accepted August 26, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск, Луганская Народная Республика.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy Yu. Darenskiy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Journalism, Lugansk State University named after Vladimir Dal, Lugansk, Lugansk People's Republic.